

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.7>

UDC 81'271:811

LBC 81.04

Submitted: 14.01.2025

Accepted: 05.06.2025

VERBALIZATION OF FOREIGNNESS IN THE XENOSPHERE OF RUSSIAN, GERMAN, ENGLISH LINGUOCULTURES

Marina Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is dedicated to research into the category of foreignness: the peculiarities of its representation in non-closely related languages within the framework of linguistic, cultural, and xenological research. The concept of xenosphere is introduced, its structure consisting of five subspheres: aposessivity, territoriality, acognativity, ignotiveness, prodigality is described. These subspheres form the specific perception of the “foreign” and are expressed in the language through deictic means. The purpose of the study is to describe linguistic models and deictic means of expressing foreignness in the Russian, German, and English languages using the search parameters *чужой/fremd/alien*. The empirical basis of the study consists of contexts obtained by continuous sampling method from the National Corpus of the Russian Language, the German corpus DWDS-Korpora, and the British National Corpus. A wide range of deictic units has been identified to express foreignness: possessive, demonstrative, and indefinite pronouns, temporal and spatial adverbs, prepositions and postpositions, articles, kinship terms, emotional epithets, and others. The linguistic models for expressing aposessivity, territoriality, and acognativity include a verb, a descriptive attribute, and a noun, with the exception of the two-term model used to express subject territory. The deixis of ignotiveness is expressed through verbs of action and indefinite pronouns combined with a descriptor, the language means of theme and rheme expression in a sentence. The deixis of ignotiveness is conveyed by means of constructions that indicate the subject of perceiving foreignness and verbs of mental activity combined with descriptors. Differences in the objectification of the alien in the considered linguistic cultures were established.

Key words: xenosphere, own – alien, foreignness, xenology, language model, linguoculture.

Citation. Fadeeva M. Yu. Verbalization of Foreignness in the Xenosphere of Russian, German, English Linguocultures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 86-100. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.7>

УДК 81'271:811

ББК 81.04

Дата поступления статьи: 14.01.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧУЖЕСТИ В КСЕНОСФЕРЕ РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Марина Юрьевна Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей репрезентации категории чужести в неблизкородственных языках в лингвокультурологическом и ксенологическом аспектах. Введено понятие ксеносферы, охарактеризована ее структура, включающая пять субсфер – апосессивность, территориальность, акогнативность, игнотивность, продигияльность. Данные субсферы, формирующие специфику восприятия «чужого», выражаются в языке дейктическими единицами. Цель исследования – описать языковые модели и дейктические средства объективации чужести в русском, немецком, английском языках по дескрипторам *чужой / fremd / alien*. Эмпирическим материалом исследования послужили текстовые фрагменты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, корпуса немецкого языка DWDS-Корпора, Британского национального корпуса. Отмечена высокая вариативность дейктических единиц объективации чужести: притяжательные, указательные и неопределенные местоимения, темпоральные

наречия, пространственные предлоги, послелог, определенный / неопределенный артикли, термины рода, эмоционально-оценочные эпитеты и др. Выявлены языковые модели апоссесивности, территориальности и акогнативности: они включают глагол, атрибутивный дескриптор, существительное. Показано, что субъектная территориальность реализуется в модели, содержащей глагол существования и субстантив с семей 'чужой'. Дейксис игнотивности эксплицируется глаголами действия, сочетаниями неопределенных местоимений с дескриптором, тема-рематическим членением предложения, дейксис продигиальности – конструкциями с указанием субъекта восприятия чужести, глаголами мыслительной деятельности в сочетании с дескриптором. Установлены различия в объективации чужого в рассматриваемых лингвокультурах.

Ключевые слова: ксеносфера, свой – чужой, чужест, ксенология, языковая модель, лингвокультура.

Цитирование. Фадеева М. Ю. Объективация категории чужести в ксеносфере русской, немецкой, английской лингвокультуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 86–100. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.7>

Введение

Со времен классической метафизики в основе мировосприятия человека лежит архетипическая оппозиция «самость – чужест». При этом в XXI в. увеличивается вариативность репрезентационного спектра представителей «чужой» сферы по разным критериям, будь то религиозные различия, военизированные политические конфликты, миграционные процессы, связанные с перераспределением материальных ресурсов, ценностные расхождения представителей разных поколений и т. п.

С течением времени дихотомия «свой – чужой» может трансформироваться и отражать номинативные и коннотативные изменения как внутри самой оппозиции на уровне лексических эквивалентов ее членов, так и культуры, в которой она существует («грек – варвар» в Древней Греции, «христианин – еретик» в Средневековой Европе, «европейцы-колонисты – нецивилизованные дикари» в эпоху колониальных империй, «представитель титульной нации – иммигрант» в XX в.).

Следовательно, как показано в наших предыдущих работах, категорию чужести не следует трактовать с точки зрения однозначной оппозиционной логики. Данное понятие отличается более сложной структурой, отражающей, как правило, темпоральный, локальный и нормативный аспекты идентификации субъекта или объекта (см., например: [Фадеева, 2024]). В 70-е гг. XX в. в мировой философской мысли и гуманитарных науках был отмечен ксенологический поворот (англ. *xenological turn*), который принято связывать в первую очередь с именем камерунского культуролога, социолога и этнолога Л.-Й. Б. Дуа-

ла-Мбеди, основоположника науки о чужом – ксенологии. Ксенология (от греч. *xenos* – чужой, чуждый и *logos* – наука) предоставляет научный инструмент для определения и описания чужести как лингвокультурной категории во всех ее измерениях посредством анализа вербализуемых образов чужого.

Центральным в ксенологии является принцип признания чужести, согласно которому чужое существует как опыт, пассивно переживаемый субъектами и заставляющий их иначе относиться к себе и миру [Nünning, 2016, S. 674]. Однако опыт никогда не бывает индивидуальным, он всегда имеет общекультурный характер. По замечанию А. Вирлахера и К. Альбрехт, так называемая ксеносистема выступает фильтром, через который общество вербализует и интерпретирует другие социальные группы под воздействием идеологического фактора. Соответственно, феномен чужести существует только в человеческой интерпретации, которая проявляется не только в нашем отношении и действиях, но и в речи [Wierlacher, Albrecht, 1993, S. 285].

В этой связи актуальность приобретает выявление вербальных маркеров или дейктических единиц, репрезентирующих категорию чужести в русском, немецком и английском языках, что позволит сформировать более полное представление о данном общественно значимом феномене в неблизкородственных культурах. В настоящей работе мы рассматриваем категорию чужести как лингвоментальное образование, содержанием которого являются представления носителей языка о «не своем» и об опыте взаимодействия с ним. Данные представления образуют в отдельной лингвокультуре так называемую ксеносферу,

состоящую из ряда субсфер, в рамках которых формируется и объективируется специфика восприятия чужого.

Цель исследования – установить субсферы (тематические подгруппы) в структурно-системной парадигме ксеносферы и описать языковые модели объективации чужести по ключевым единицам (дескрипторам). В качестве лексического дескриптора использовались лемма *чужой* и ее семантические эквиваленты в немецком (*fremd*) и английском (*alien*) языках.

Материал и методы

Исследование выполнено в русле двух направлений – ксенологии и лингвокультурологии, что позволяет использовать теоретические положения сравнительно молодой науки о чужом для комплексной интерпретации лингвокультурологических процессов. В научном труде «Ксенология: наука о чужих и вытеснение гуманности в антропологии» Л.-Й.Б. Дуала-Мбеди описал методологический инструментарий, основанный на анализе социальных конструктов, порождающих чужесть, и ввел понятие ксенонаратива. Ученый доказал возможность отделения чужести от субъекта и обращения к социальной системе, инструментализирующей чужого с целью установления власти над ним [Duala-M'bedy, 2021].

В рамках лингвокультурологического подхода ученые неоднократно обращались к описанию чужести, подчеркивая значимость изучения данного феномена в формировании языковой картины мира любой нации. В английском языке существуют два близких термина *alienation* (рус. *алиенация*) и *alteration* (рус. *альтерация*), обозначающих процесс дистанцирования ввиду языковых или культурных различий [Fitzgerald, 2002]. *Алиенация* употребляется в значении отдаления человека от того, что ранее ему было близко и знакомо, например переключение языкового кода вследствие миграции в другую страну, что приводит к ощущению оторванности от своих культурных корней и ощущению себя *чужим*. *Альтерация* обозначает умеренную инаковость. Оба понятия подчеркивают конструируемость идентичности, властных и социальных отношений [Vaccaro, 2022].

Для немецких лингвистов более характерно использование термина *Fremdheit*, который получает подробное толкование с позиции социолингвистики посредством обращения к антонимическим парам «близость и дистанция», «включение и исключение», «маргинализация и участие» [Liang, Steinmüller, 2018], в этнолингвистике в качестве маркеров проявления чужести определяются ксенизмы, то есть слова иноязычного происхождения, создающие отчуждающий эффект.

В русском языке распространение получили термины *чуждость* для обозначения семантической категории, имеющей этническую маркировку и обнаруживаемой при создании художественного текста [Пеньковский, 2004], и *чужесть* в значении крайней формы проявления инаковости, имеющей специфические коммуникативные стратегии реализации в неблизкородственных культурах [Свинкина, 2016]. А.Ю. Скрыльникова представила репрезентацию категории чужести при помощи ядерного концепта «свой – чужой» и периферийных концептов «дом», «друг», «тоска», «разлука», «лень» [Скрыльникова, 2007]. В работе Т.А. Сироткиной описаны языковые средства этнической маркировки оппозиции «свое – чужое» в художественной картине мира на примере региональной прозы [Сироткина, 2012]. Влияние оппозиции «свой – чужой» на речевую деятельность и функционирование языка, в том числе на появление интернационализмов и глобализмов в русском и польском языках, отражено в сборнике исследователей Гданьского университета [Стоев Хънгов, Кананович, Новоженова, 2022].

Несмотря на разнообразие работ, посвященных понятию чужести и механизмам ее вербализации в разных языках, на настоящий момент отсутствует комплексное описание дейктических средств реализации данной категории. В качестве дейктических средств используются разноразличные единицы языка, позволяющие упорядочить отдельные явления в сознании человека (см., например: [Артёмова, 2019]). Именно средства дейксиса могут служить для разграничения пространства *своего* и *чужого*, выполняя функцию указания и являясь персональной системой координат (см., например: [Гордиевская, 2023]).

Эмпирической базой работы послужили текстовые фрагменты с ключевыми единицами (дескрипторами) *чужой, fremd, alien*, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), корпуса немецкого языка DWDS-Korpora (далее – DWDS), Британского национального корпуса (далее – BNC) соответственно. Общий объем проанализированных данных составил 240 контекстов в пропорциональном соотношении по изучаемым языкам.

С целью установления особенностей вербализации чужести представителями различных лингвокультур применялся метод дискурс-анализа, для интерпретации и систематизации субсфер в структуре ксеносферы использовались методы лингвистического описания и языкового моделирования, посредством метода дистрибутивного анализа определены семантические и грамматические роли дескрипторов *чужой, fremd, alien* в контексте, сравнительно-сопоставительный метод позволил установить корреляцию в восприятии чужести в неблизкородственных языках.

Результаты и обсуждение

Ксеносфера формируется субсферами, или тематическими подгруппами, соотносимыми с понятиями апосессивность, территориальность, акогнативность, игнотивность, продигальность. Каждая из субсфер объективируется в языке дейктическими единицами, выступающими маркерами одноименных дейксисов. Охарактеризуем в рамках субсфер выделенные одноименные дейксисы с точки зрения их репрезентации в названных языках и представим типовую языковую модель вербализации чужести применительно к каждой субсфере.

1. Дейксис апосессивности

В контексте нашего исследования релевантным является понятие апосессивности, отражающее отсутствие отношения или принадлежности. Оно противопоставлено понятию посессивности, которое, напротив, предполагает различные отношения собственнос-

ти и владения (подробно о посессивности см.: [Милованова, 2007, с. 101]).

Апосессивность может объективироваться на физическом (осязаемые субъекты и объекты) и ментальном (эмоциональные и чувственные переживания) уровнях.

1.1. Апосессивность физическая

Данная подгруппа представлена универсальной моделью **V act + D + S conc**, вербализуемой в рассматриваемых языках глаголом действия + дескриптором + субстантивом (конкретный неодушевленный объект).

Объектом апосессивности выступают предметы материального мира, выраженные неодушевленными существительными, называющими, например, предметы быта, элементы одежды, части тела:

(1) Подумайте – **читать письмо чужое низко**, И хлопотен надзор над женской перепиской (А.С. Грибоедов. Молодые супруги. 1815);

(2) **Выносить детей в чужой утробе**: после вступления закона в силу бизнес сразу лишится прибыли (Иностранцам хотят запретить использовать российских суррогатных матерей // Парламентская газета. 2021);

(3) Ritter Bernardino, der zum Kronzeugen für Las Casas wird, erinnert sich, wie er und die Gefährten **das fremde Eigentum in Besitz nahmen** (Gert Ueding: Wer die Erde verliert, verliert sich selbst. Die Welt. 24.04.2004).

Апосессивные лексико-грамматические конструкции зачастую строятся на противопоставлении своего и чужого:

(4) Если протекция **своим товарам – это защита**, то **санкции на чужие – явная агрессия** (АЭС, ледоколы, центры терапии – атомная отрасль РФ находится на подъеме // Vesti.ru. 23.09.2020).

В русском и немецком языках внутри данной подгруппы встречаются фразеологизмы и метафорические выражения, такие как *переложить на чужие плечи* (обременить другого, сняв с себя ответственность), *in fremden Stiefeln laufen* (выставлять себя за то, кем не являешься), *sich mit fremden Federn schmücken* (выдать чужие заслуги за свои), демонстрирующие привлекательность чужого. В английском языке добавляется коннотация принадлежности не просто чужому

как кому-то другому, а чужому как инопланетному, несвойственному окружающим. Ср.:

(5) The bird **diverts to the alien nest** where it drops into the cuckoo's mouth the food that had been destined for its own young (Richard Dawkins. *The Selfish Gene*, 2006); Cosmic baddies are plotting **to insert alien brains** into the heads of world leaders (The Guardian. 2016).

1.2. Апосессивность ментальная

В рассматриваемой подгруппе объектами апосессивности выступают отвлеченные понятия и состояния, выраженные абстрактными существительными. Модель ментальной апосессивности состоит из глагола действия / отношения + дескриптора + субстантива (абстрактный неодушевленный объект) и может быть представлена по формуле: **V act/rel + D + S abst.** Дескриптор *чужой* и его иноязычные эквиваленты *fremd*, *alien* сигнализируют о принадлежности описываемых состояний другому лицу:

(6) На **чужих ошибках учились**, удачный **чужой опыт учитывали** (Мишустин рассказал о пройденных уроках борьбы с пандемией // Известия. 20.10.2020);

(7) Anderthalb Jahre später **verarbeitete** er diese Erfahrung sowie weitere eigene und **fremde Erlebnisse** in dem Briefroman „Die Leiden des jungen Werthers“, den er Anfang 1774 innerhalb von nur vier Wochen niederschrieb; Instead of gazing at the tourists, **being distracted by** their accents and their **alien lives**, I found myself looking at the castle for perhaps the first time (J. Moyes. *Me Before You*. 2012).

В русском языке на владельца, обладателя указывают относительные и качественные прилагательные с корнем *чуж-*/*чужд-*:

(8) Охваченный ею не может молчать, // **Он раб ему чуждого духа** (А.К. Толстой. Слепой («Князь выехал рано среди гридней своих...»). 1873).

Глаголы действия (рус. *переживать*, *испытывать*, нем. *sehen*, англ. *to accept*) наравне с атрибутивными апосессивными словосочетаниями выражают отсутствие личной причастности, но при этом транслируют мысль о готовности помочь, выразить сочувствие:

(9) Елизавета очень многим помогала, **переживала за чужую беду** как за свою, – рассказал

Володин (В Москве открыли памятник Доктору Лизе // Парламентская газета. 20.02.2021);

(10) **Die fremde Not**, auch die des Feindes, als die eigene **zu sehen** vermag nur die Liebe (Goldene Regel // Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 02.04.2025).

Русское прилагательное *чужой* в качестве дейктического средства также может указывать на форму косвенного влияния со стороны других людей (*быть жертвой чужих прихотей*), в английском языке усиливается значение непривычности состояния или эмоции, испытываемых другим: *to accept alien idea* – принять чужую (чуждую) мысль.

К синтаксическим особенностям английского языка следует отнести конструкции с притяжательным падежом (*alien's appearance*, *alien's technology*), в немецком отмечается вербализация апосессивности посредством глагольной конструкции с объектом в дательном падеже, выражающей косвенное дополнение (*jemandem fremd sein*).

Схематично языковое воплощение субсферы апосессивности представлено на рисунке 1.

2. Дейксис территориальности

Принадлежность человека к конкретной территории, как и его происхождение, играет важную роль в формировании языкового сознания. В древнегреческой традиции *ксенос* (греч. *ξενος* – «чужой, чужак») использовалось по отношению к иностранцам, мигрантам и ко всем тем, кто прибыл с чужой земли. В поэмах Гомера лексема *ксенос* помимо значения «чужестранец, неэллин» означала «гость». В античном мире гостеприимство, оказываемое гостю, равно как и предоставляемое путнику убежище, относилось к основным священным правам и обязанностям [Лисовый, Ревяко, 2001, с. 79]. Пространственная территориальность отражает процесс освоения мира человеком, который осуществляется по горизонтали, предполагает движение и «фиксацию» границы, например центр – периферия, близь – даль, внутри – снаружи (см. об этом: [Захаренко, 2013, с. 16]). Пространственный дейксис в рамках субсферы территориальности включает указание как на отдельные территории, физические границы, так и на отсутствие гражданства у субъекта по отношению к реферируемой стране.

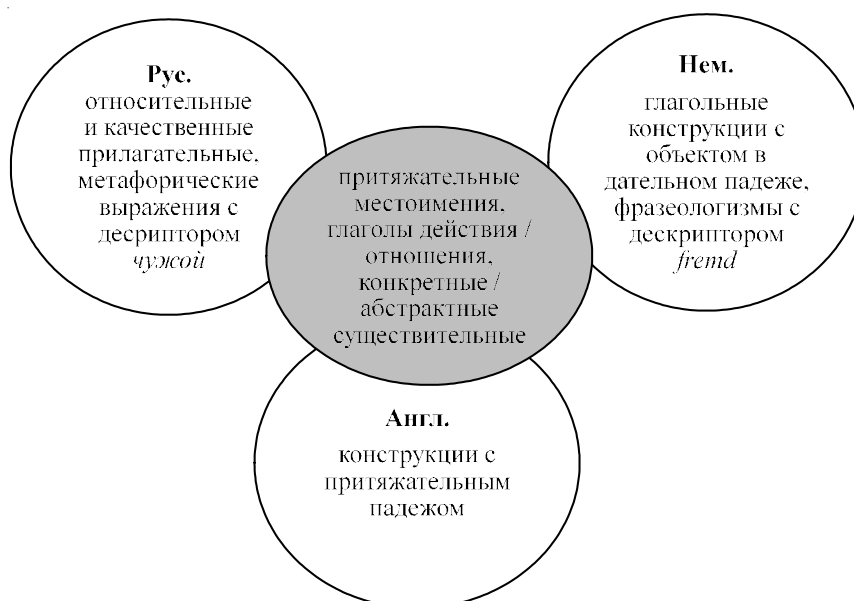

Рис. 1. Субсфера апосессивности в анализируемых языках

Fig. 1. Subsphere of aposessivity in the analyzed languages

2.1. Пространственная территориальность

Языковая модель имеет следующие составляющие: **V act/exist + D + S spat** (глагол действия / существования + дескриптор + пространственный субстантив). Пространственные существительные, обозначающие город, страну, дом, комнату, мир, фиксируют расположение или место в пространстве, которое отделяет свое известное от чужого неизданного:

(11) Папа с мамой мои были геологи. Жили мы **в чужом таджикском городе** Пенджикенте (П. Алешковский. Рыба. История одной миграции. 2006);

(12) A cynic might think that this is precisely the sort of thing the Russians would say if they **had made contact with an alien world** (Times, Sunday Times. 2016);

(13) Israelisches Kampfflugzeug in einem Hangar: Man darf nicht einfach **Terroristen auf fremdem Staatsgebiet wegbomben** (Spiegel. 16.04.2024).

Чужая земля, чужие города отождествляются с коллективным социальным пространством, объединенным признаком «свой», который реализуется в общности образа жизни, традиций, взглядов на что-либо:

(14) Немцем называют у нас всякого, кто только **из чужой земли** (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. 1829–1832);

(15) Bethmann-Hollweg besuchte Wien und Budapest und schrieb an Oettingen: **Fremdes Land und fremde Sitten**, wie köstlich ist das für uns nordische Biber (Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 02.04.2025).

Дейктическую функцию указания на условную разделительную линию в пространстве выполняют наречия места *здесь, hier, here / там, dort, there*:

(16) Ведь не было сына в кубрике. **Чужой там лежал** мальчонка. Хотя и его было жаль до слез (Б. Екимов. Высшая мера. 1995),

(17) Ich wohne seit drei Jahren in Lichtenberg und habe trotzdem keinen Kontakt mit Deutschen, deshalb **fühle ich mich immer fremd hier** und habe Heimweh (Der Tagesspiegel. 29.05.2001).

(18) After moving, **he felt uncomfortable there**, he was a stranger (Raising Children Network. 31.03.2025).

Фраза *чужие здесь не ходят* стала крылатой благодаря одноименному советскому художественному фильму Анатолия Вехотко и Романа Ершова 1985 года. В фильме данную реплику произносит лесник, подчеркивая свою власть и контроль над территорией, которую он считает своей. Постепенно цитата вышла за пределы фильма и стала использоваться в различных контекстах, обозначая нежелательность присутствия посторонних или незваных гостей.

Описание чужого пространства часто используется в художественном дискурсе для рас-

крытия эмоционального состояния героя. Посредством метафор автор «оживляет» пространство, окружающее героя произведения, повторы эпитета *чужой* отражают настроение и настороженное восприятие другой страны персонажем:

(19) Вокруг шумели **чужие города**, плескалась желтая **чужая вода**, синело **чужое небо** (Н.Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая. 2006).

В то же время чужая территория поддается освоению, то есть переходу в доступный модус, как в прямом (*навести порядок в чужой квартире*), так и переносном смысле:

(20) Но суть работы переводчика в том, что он **обживает чужой дом, осваивается в чужом языке** и незнакомой жизни (Е. Чижов. Перевод с подстрочника. 2012).

В немецком и английском языках также представлена конструкция со значением «быть / чувствовать себя в каком-то пространстве чужим»:

(21) When I first went to New York, **it all felt very alien to me** (J. Moyes. Me Before You. 2012).

Лексема *alien* используется в переносном значении и передает ощущение чужести, непонимания окружающей среды, то есть ощущение человека, который чувствует себя так, будто находится в незнакомом, чужом месте, которое ему кажется необычным.

2.2. Субъектная территориальность

Модель языкового выражения территориальной непринадлежности субъекта строится по следующей схеме: **V exist + S xen** (глагол существования + субстантив с семой ‘чужой’).

Структурная антиномия проявляется в том, что единичное свое сталкивается с множественностью конфигураций субъектного чужого. Особенностью немецкого языка является вариативность родовой характеристики у субстантивированного прилагательного *fremd*. Артикль выражает лексическую категорию соотнесенности и позволяет обозначить род существительного:

(22) **Der Fremde** näherte sich meinem Großvater und fragte ihn nach ein wenig Rum / Auf einen 1:0-

Heimsieg folgte im Rückspiel ein 1:1 **in der Fremde** / Das führte zu einer Abgrenzung gegen **das Fremde**, gegen das «Unschweizerische», ganz auch im Sinne Eberles (O. Eberle. Mirakel. 1947).

Реже в поэтических текстах можно встретить лексему *der Fremdling*, обозначающую недавно прибывшего чужестранца:

(23) **Der Fremdling fühlte sich verloren in der fremden Welt**; Wirst Du dasein **für den Fremdling**, aus dem Land hinter dem Meer (Fr. Hölderlin. Hyperion oder der Eremit in Griechenland. 2004).

Группа средств русского языка представлена лексемами *чужак*, *чужестранец*, *чужеземец*, *чужой*, которые могут получать как положительную, так и отрицательную коннотативную окраску. Чужие не вызывают доверия:

(24) Что я здесь делаю, зачем **таскаюсь в чужой стороне, между чужими?**» – воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение (И.С. Тургенев. Ася. 1858);

к чужакам реже испытывают симпатию:

(25) Да и зачем оказываться где-то вдали от родины, ведь в любой стране в ситуации кризиса **чужаки уж точно не в приоритете для спасения** (Киселёв описал происходящее фразой Чернобыря // Vesti.ru. 22.03.2020);

чужеземцами (устар. инородцами) в шуточной форме называют иностранцев:

(26) Мечта обывателей, чтобы **постоялец-чужеземец** еще бы и **ремонт** на арендуемой площади **сделал**, а, значит, когда съедет, сантехника импортная останется, плита в кухне новая, а может быть даже и холодильник, во всей своей простенькой житейской выгоде отвечала национальному менталитету: вот кто бы кто со стороны порядок у нас навел! (Н.В. Кожевникова. Колониальный стиль. 2003).

Чужестранцы, как правило, окружены ореолом загадочности, при этом все зарубежное, иностранное ассоциируется с хорошим качеством, благосостоянием:

(27) При этом ушлые таксисты наверняка **попытаются повезти ничего не понимающего чужестранца самой долгой дорогой**, чтобы получить больше денег (Т. Алексеева. Волосатый массаж и пиво с изюмом // lenta.ru. 22.09.2015).

Для английского языка типично употребление существительного *alien* во множественном числе в значении «инопланетяне», реже – «иностранцы»:

(28) Scientists identify 29 planets where **aliens** could observe Earth (The Guardian. 2021);

(29) During the first 100 days of President Donald J. Trump's second term, U.S. Immigration and Customs Enforcement has arrested 66,463 **illegal aliens** and removed 65,682 **aliens**, including criminals who threaten public safety and national security (U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2025).

Схематично языковое воплощение субсферы территориальности в целом представлено на рисунке 2.

3. Дейксис акогнативности

Категория родства является базовой для понимания социальных отношений, определяя принадлежность человека к отдельной группе и его отношение к другим. Категория акогнативности (от лат. *cognation* – «родство») выражает отсутствие кровного родства между людьми, а также невозможность их причисления к членам семьи. Акогнативность может основываться как на физической, так и на духовной чужести, то есть расхождение в

мирополагании и мировоззрении воспринимается как критерий дистанцирования и нежелания сблизиться.

3.1. Акогнативность по крови

Вербализация данной подгруппы осуществляется при помощи глагола действия + дескриптора + субстантива (одушевленный объект) по модели: **V act + D + S anim.**

В роли дополнения в сочетании с атрибутом *чужой* преимущественно выступают существительные, выражающие родственные узы. Создание семьи связано с освоением нового пространства и оказывает непосредственное влияние на переход чужого в свое: рус. *пустить корни в другой стране*; нем. *Wurzeln schlagen in der Fremde*; англ. *to put down new roots*.

Субъект-субъектные отношения в рассматриваемых лингвокультурах строятся на внутрисемейных связях: ребенок, мать, отец, сестра. Вхождение в родственный круг определяет степень психологической близости, доверия:

(30) Профессор-то **не чужой человек, а шу-рин** (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. 1958).

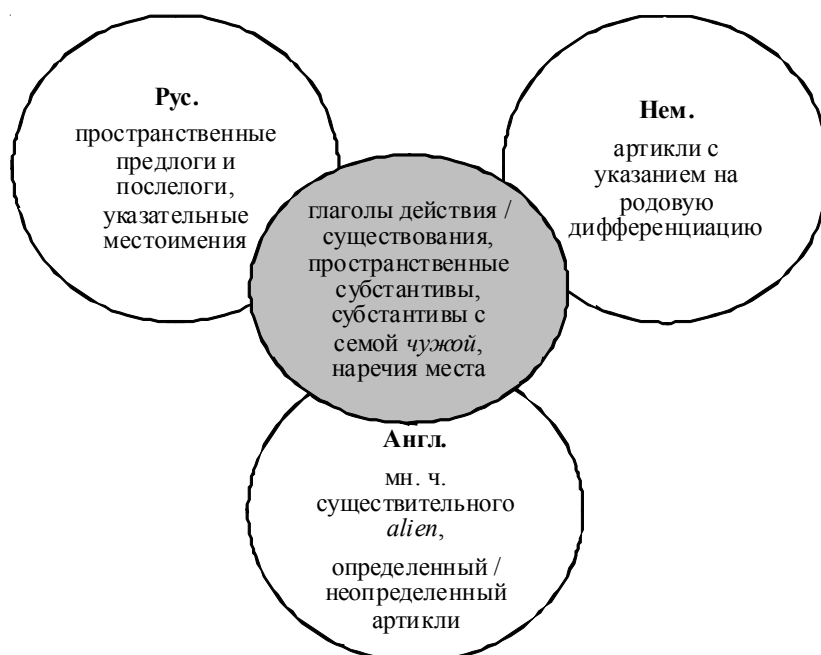

Рис. 2. Субсфера территориальности в анализируемых языках

Fig. 2. Subsphere of territoriality in the analyzed languages

Внутри данной подгруппы отмечается амбивалентное отношение к людям, не имеющим кровного родства, что выражается как в умеренно отрицательной оценке в адрес чужих детей:

(31) **Я так этого не хотела! Все-таки чужой ребенок...** Рита, я тебя уверяю – никаких особых усилий от тебя не потребуется! – все с тем же раздражением произнес Ганин (Т. Тронина. *Никогда не говори «навсегда»*. 2004),

так и в положительной коннотации *чужой жены / невесты*:

(32) Когда Маринка показывалась в коридоре, он тоскливо смотрел ей вслед и, если рядом кто-то был, цокал языком и печально произносил: Э-э-э! Правду у нас говорят: **красивая жена – чужая жена!** (А. Моторов. *Преступление доктора Паровозова*. 2013);

(33) **Eine fremde Frau ist ein Ideal der Ehefrau** (P. Ehrenberg. *Das Handbuch für die gute Ehefrau*. 2002).

Чужие дети ассоциируются с заботами и проблемами, дополнительной нагрузкой. Изменения в семейном положении также вносят коррективы в образ чужого: бракоразводный процесс превращается в войну за детей, в которой отец становится соперником, чужой стороной:

(34) **Rosenkrieg ums Kind: wenn der Vater zum Fremden wird** (NDR. 2022).

Нежелание иметь общее с чужими, в том числе прикладывать усилия ради выгоды другого, выражается в русском языке во фразеологизме *работать на чужого дядю*.

В английском языке отсутствие родства передается посредством неопределенного притяжательного местоимения – *some one else's husband, work for someone else*. Коллокации существительного с дескриптором *alien* являются малочастотными, исключения составляют сравнительные конструкции в значении «абсолютно чужой»:

(35) You have treated Leonardo not **as a brother but as a complete alien** (W. Isaacson. *Leonardo da Vinci*. 2017).

3.2. Акогнативность по духу

Различия менталитетов, политических убеждений, взглядов на жизнь обусловлены множеством факторов, в том числе социальным происхождением, уровнем образования, вероисповеданием, личностным опытом, индивидуальными особенностями человека. Для данной подгруппы характерна трансформация своего в чужое по модели: **V dep/sent + D + S anim**.

Глаголы изменения состояния (рус. *стать*, нем. *werden*, англ. *to become*) в сочетании с дескриптором и одушевленным субстантивом объективируют возникшую дистанцию между людьми:

(36) Алексей: Ну, не сын же я тебе, в конце концов! **Чужой я тебе! Чужой!** Наталья: Нет! **Не чужой! Роднее родного стал!** (И. Лисовская. *Никогда я не буду любить...* 2003);

(37) То он спал по одну сторону стены, **совсем чужой для меня человек**, и мне была обидна его холодность, а теперь тот же человек спит по ту сторону стены и **стал чужим** (Н.С. Покровская. *Дневник русской женщины*. 1952);

(38) Wir schreiben **Fremden Vertrautes**, weil **Vertraute fremd geworden sind** (C.D. Florescu. *Der kurze Weg nach Hause*. 2002).

К этой же подгруппе относятся глаголы, выражающие субъективное восприятия (рус. *казаться / оказаться*; нем. *wirken, vorkommen*; англ. *to look like*):

(39) Дика, печальна, молчалива, / Как лань лесная боязлива, / Она в семье своей родной / **Казалась девочкой чужой** (А.С. Пушкин. *Евгений Онегин*: роман в стихах. 1823–1830);

(40) There are scenes **where Bella looks like an alien** (St. Meyer. *Twilight*. 2005).

Нарратор приписывает субъектам восприятия чужесть, несмотря на имеющиеся родственные отношения и давнее знакомство:

(41) Муж давно **стал чужим человеком** и молча лежал на диване каждый вечер (И.Л. Мамаева. *Росомаха*. 2009).

В качестве слов-усилителей могут использоваться наречия *совсем, абсолютно, völlig, vollkommen, absolutely*:

(42) Вот он точно **чужой совсем оказался**, корни свои забыл – москвич, одним словом (Майя вышла замуж // Коммерсант. 25.01.2010);

(43) Darin erzählt sie die Geschichte einer großen Liebenden, die sich am Ende umbringt, nicht weil sie betrogen und belogen wurde, sondern weil sie selber **an dem völlig fremd gewordenen Mann ihre Liebe verloren hat** (Süddeutsche Zeitung. 09.05.1998).

Для английского языка релевантно использование лексем семантической группы *strange / stranger* в значении «вызывающий недоумение, непонятный, странный» и поэтому «чужой»:

(44) When adult children **become strangers**; We don't want **to look strange** in the eyes of the world (A. Peterson. Look the World in the Eye. 2008).

Соответствующая схема представлена на рисунке 3.

4. Дейксис игнотивности

Осознание факта незнания есть результат отношения говорящего к окружающим его предметам, событиям, лицам с точки зрения познавательно-эмоционального интереса субъекта. Языковая модель **V act + P + D** включает глагол действия + неопределенное местоимение + дескриптор. Неопределенные местоимения при-

дают словосочетанию эмоциональный оттенок удивления, негодования или восхищения:

(45) Лицо у нее стало маленькое, желтое и **какое-то чужое** (Н. Дубов. Мальчик у моря. 1966);

(46) Остальные акционеры оказались перед выбором – или выкупить его долю, или ее приобрести **какой-то чужак** (А. Алексеев. Неповторимый Джо // Коммерсант. 28.05.2020);

(47) На вокзале рано утром меня встретила Оля, **какая-то чужая**, красивая, в незнакомом мне платье (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993–2003).

В немецком языке данную функцию могут выполнять неопределенные наречия и артикль:

(48) Trotz der vertrauten Umgebung **fühlte** sie **sich irgendwie fremd** in der Gruppe; Da **betrat ein Fremder** den Raum; Dann engagiert Annabelle auch noch **einen Fremden**, der sich als Denises leiblicher Vater ausgibt (Breiter Weg. 2004).

Дейктическими единицами игнотивности в русской и немецкой лингвокультурах также выступают языковые средства с семантикой неизвестности (в русском языке – предикативы *неизвестно кто*, *невесть кто*; в немецком языке – существительные с отрицательной приставкой *un-*), а также темпоральные наречия (*раньше / früher*, *тогда / damals*, *вчера / gestern*) и числительные, указывающие на отрезки времени:

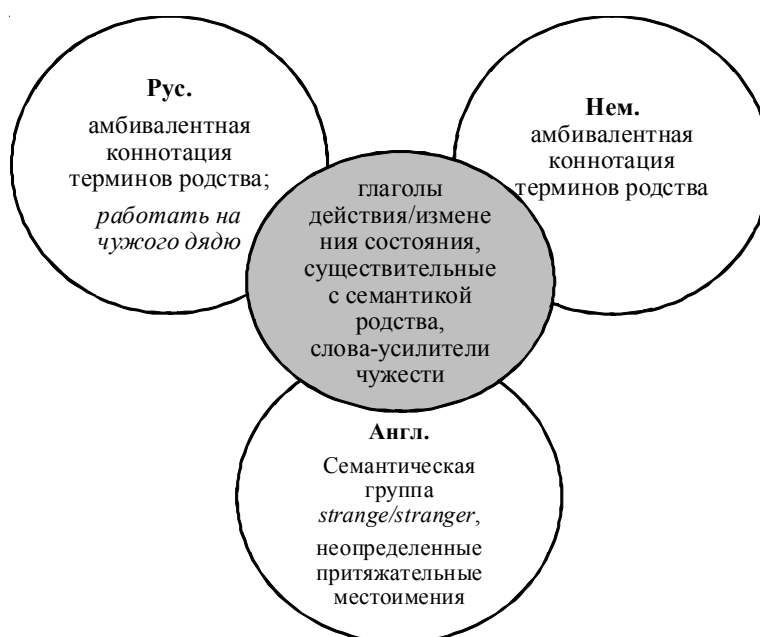

Рис. 3. Субсфера акогогнотивности в анализируемых языках
Fig. 3. Subsphere of acognativity in the analyzed languages

(49) Наши же обалдуи думают, что это просто ничего не значащие слова, которые **невесть кто...** **чужие** придумали (Т. Юрьева. Дневник культурной девушки. 1995);

(50) Я выросла на скорой, проработала **почти 20 лет, это мой дом, но теперь там для меня все чужое** (Медики рассказали о работе в «очагах массовых санитарных потерь. 2020);

(51) **Unbekannte stürmte plötzlich** ins Haus und erschreckte uns zu Tode. **Wahrscheinlich ein Fremder** (M. Lunde. Für immer Roman. 2017).

В английской лингвокультуре значение чужести вследствие неизвестности передается посредством глаголов мысли *to think*, *to believe*, *to guess*, неопределенных местоимений *some*, *any*, *no one*:

(52) His years abroad had made him **almost an alien for his family**; When I moved to a foreign country, I often **felt like an alien** until I learned the local customs (A. Peterson. Look the World in the Eye. 2008).

При этом во всех трех языках отмечается универсальный механизм организации новой информации за счет тема-рематического членения предложения. Как правило, упоминание чужого как неизвестного производится в конце предложения или смысловой группы.

Схематично языковое воплощение субсферы агнотивности представлено на рисунке 4.

5. Дейксис продигиальности

Взаимодействие с другой культурой вызывает у субъекта, пересекающего границу своей культуры, чувство странного, необычного, непонятного, что приводит к недоверию и подозрительности по отношению к чужой культуре. Дейксис продигиальности (от лат. *prodigiosus* – «странный») объективируется по модели: **V cog + D** (глагол мыслительной деятельности + дескриптор).

Особую роль здесь играет референциальность оценки, так как членение индивидом окружающего мира происходит с антропоцентричной позиции с опорой на присущие человеку нормы морали и поведения:

(53) И мне ничего не нужно здесь, **в чужой для меня стране** (И.А. Ефремов. На краю Ойкумены. 1945); Недавно ты представлялся **чужим для меня**, недоступным (А. Проханов. Господин Гексоген. 2002);

(54) Die Situation wie sie sich herausstellte, war **ganz fremd für mich** (DWDS);

(55) The new culture was completely **alien for me**, and I struggled to understand their customs (M. Faber. The Book of Strange New Things. 2005).

Ощущение чужести как странности актуализируется за счет глаголов ментальной сферы (рус. *понимать*, *полагать*; нем. *verstehen*,

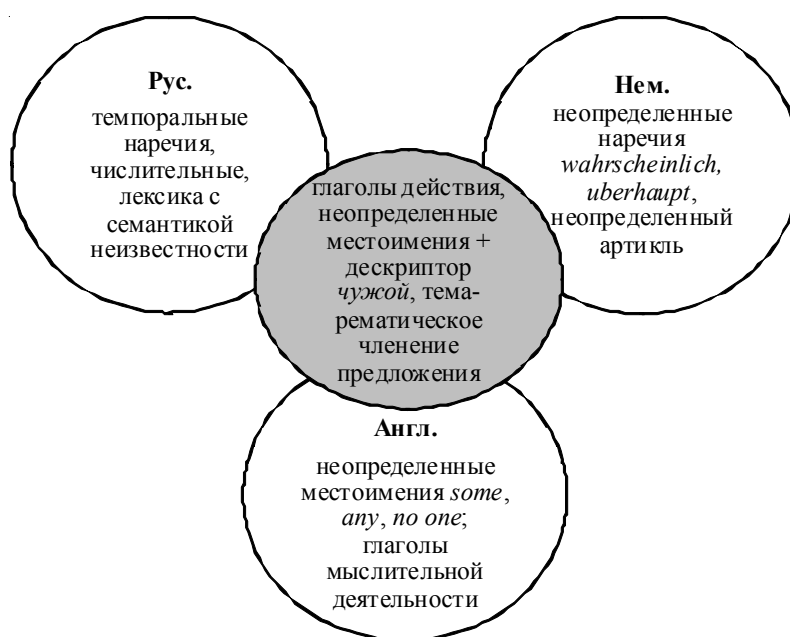

Рис. 4. Субсфера игнотивности в анализируемых языках
Fig. 4. Subsphere of ignotiveness in the analyzed languages

begreifen; англ. *to understand, to consider*), выражающих результат мыслительного процесса по соотнесению нового, незнакомого со своим и последующему отнесению его к классу чужих:

(56) Им **не понять человека**, в груди которого бьется сердце, полное любви ко всем собакам на свете. **Он для них чужой** (В. Крапивин. Белый щенок ищет хозяина. 1962);

(57) I still can't **consider you a stranger** (M. Faber. The Book of Strange New Things. 2005).

Идентификация чужого происходит интуитивно, на уровне речи об этом свидетельствуют неопределенное наречие и неопределенное местоимение в сочетании с дескриптором *чужой*:

(58) Я никогда не снимал черных воронок, – голос **почему-то стал чужим**, не то чтобы испуганным, скорее удивленным (С. Лукьяненко. Ночной дозор. 1998);

(59) There was **something alien about him**, as there had been about "Good Business." Evidently he was aware of his own peculiarities and of the fact that people could not understand him (A. Tchaikovsky. Alien Clay).

Причисление к группе чужих характеризуется неоднозначностью оценки, неуверенностью в правильности первого впечатления. Подобный эффект в художественном дискурсе достигается благодаря приему дейктического оксюморона:

(60) Кроме того, ты два часа про него рассказывал, **и теперь он мне вроде как не чужой** (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова. 2013);

(61) Илья **не чужой ему человек, но лучше бы он ехал обратно** в Америку, в Москву (А. Иличевский. Перс. 2009).

Дейктиками продигиальности также служат эпитеты и сравнения, использованные для описания внешности:

(62) **Der Musiker, 53 Jahre, groß, schmal, feingliedrig, mit anständigen Umgangsformen, wirkte immer irgendwie fremd** in der Band; **Die zierliche Frau, ganz in Schwarz gekleidet, nahm sich jedoch nicht fremd aus** auf der Kanzel des alten, schmuckreichen Kirchenraumes (Der Komponist von Karat // Berliner Zeitung. 2020);

(63) She had a touched look, her eyebrows invisible so her face **took on an alien blankness** (E. Cline. The Girls. 2016);

иноязычные вкрапления:

(64) Der Fremde in der Geschichte war **ein mysteriöser Stranger**, den niemand kannte (Der geheimnisvolle Fremde // Lexikon des internationalen Films. Filmdienst).

Языковое воплощение субсферы продигиальности схематично представлено на рисунке 5.

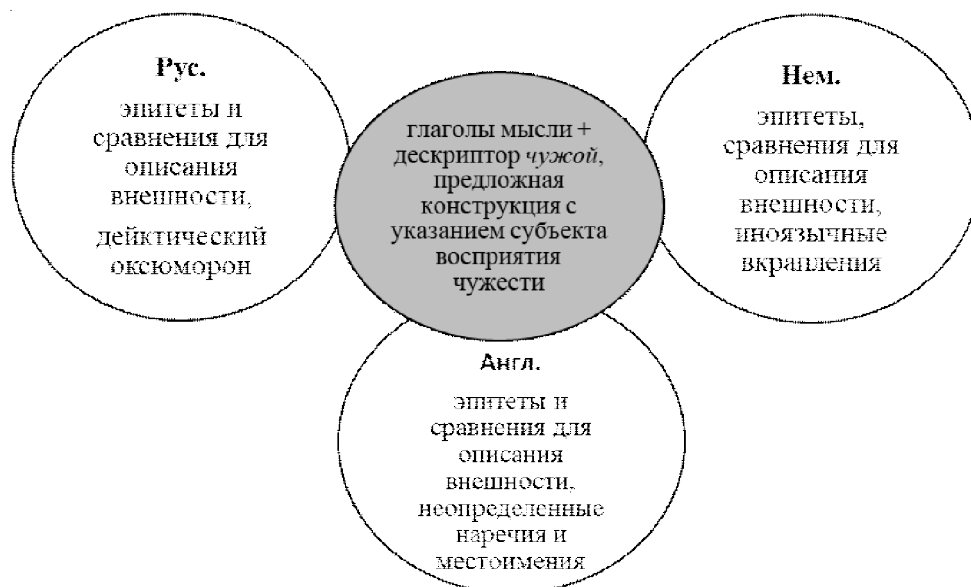

Рис. 5. Субсфера продигиальности в анализируемых языках

Fig. 5. Subsphere of prodigality in the analyzed languages

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод об амбивалентном характере чужести как лингвокультурной категории, отражающей различные сценарии восприятия «не своего». Многоаспектность данного понятия требует введения в научный оборот термина «ксеносфера», называющего совокупность субсфер, в рамках которых формируется и объективируется специфика восприятия «чужого».

Структурная парадигма ксеносферы включает в себя пять субсфер, соотносимых с понятиями апосессивности, территориальности, акогнативности, игнотивности, продигиальности. Выделенные субсферы репрезентированы в языке различными дейктическими единицами, выступающими маркерами указанных дейксисов. Диапазон дейктических единиц объективации чужести отличается многообразием в русском, немецком и английском языках: притяжательные местоимения, относительные и качественные прилагательные, неопределенные местоимения, темпоральные наречия, пространственные предлоги и послелог, указательные местоимения, определенный / неопределенный артикли, термины родства, тематические фразеологизмы, эмоционально-оценочные эпитеты. Как правило, языковые модели, отражающие каждую из субсфер, характеризуются универсальным набором компонентов.

В сопоставляемых языках модели субсфер апосессивности, территориальности и акогнативности являются трехкомпонентными и содержат глагол (действия, отношения, существования, субъективного восприятия), атрибутивный дескриптор *чужой* или его эквивалент в немецком и английском языках, существительное (неодушевленное / одушевленное, конкретное / абстрактное). Исключение представляет двухкомпонентная вербальная модель выражения субъектной территориальности, состоящая из глагола существования и субстантива с семой «чужой».

В русском языке отмечается широкий ряд однокоренных существительных, обозначающих чужого, в то время как в немецком и английском языках дифференциация субъекта достигается за счет категории артикля и

единственного / множественного числа. Средствами выражения дейксиса игнотивности служат глагол действия, неопределенное местоимение в сочетании с дескриптором *чужой*, информация о чужом как новом, неизвестном маркируется посредством тема-рематического членения предложения. Дейктиками игнотивности в русской и немецкой лингвокультурах выступают лексемы с семантикой неизвестности и числительные, указывающие на отрезки времени, в немецком и английском языках значимым дейктиком является артикль. Для дейксиса продигиальности характерно использование конструкций с указанием субъекта восприятия чужести, а также глаголов мыслительной деятельности в сочетании с дескриптором *чужой*. В немецком языке частотны иноязычные вкрапления, сигнализирующие о чужести, в английском языке отмечена контекстуальная замена лексемы *alien* на *stranger*.

Таким образом, категория чужести представляет собой сложное лингвоментальное образование, отражая в своем содержании как универсальный опыт постижения не своего, так и этноспецифику восприятия феномена чужого в отдельно взятой культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артёмова О. А., 2019. Типология дейксиса в семантико-прагматическом аспекте (на материале белорусского и английского языков). Минск : МГЛУ. 176 с.
- Гордиевская М. Л., 2023. Русский пространственный дейксис в сопоставительном аспекте // *Philologia Rossica. University of Hradec Králové (Czechia)*. № 8. С. 7–27.
- Захаренко И. В., 2013. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. М. : МАКС Пресс. Вып. 46. С. 15–31.
- Лисовый И. А., Ревяко К. А., 2001. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск : [б. и.]. 253 с.
- Милованова М. В., 2007. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. № 6. С. 95–102.
- Пеньковский А. Б., 2004. Очерки по русской семантике. М. : Яз. слав. культуры. 460 с.

REFERENCES

- Свинкина М. Ю., 2016. Понятийная вариативность лингвокультурных категорий чужест – другост – инаковост // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6-2 (60). С. 148–152.
- Сироткина Т. А., 2012. Маркеры «Чужого» в художественной картине мира // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2. С. 77–81.
- Скрыльникова А. Ю., 2007. Концепт «разлука» в русской языковой картине мира // Вестник Тамбовского университета. Вып. 12 (56). С. 233–238.
- Стоев Хънгов В., Кананович Т., Новоженова З., 2022. «Свое» и «чужое» в языке, тексте и культуре. Очерки об универсальной лингвокультурологической категории. Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 314 с.
- Фадеева М. Ю., 2024. Лингвокультурные закономерности вербализации чужести в оригинале и переводе на примере художественного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 4. С. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8>
- Duala-M'bedy M., 2021. Xenologie. Die Wissenschaft vom Fremden und die Verdrängung der Humanität in der Anthropologie. Freiburg ; München : Verlag Karl Alber. 352 S.
- Fitzgerald H., 2002. How Different Are We? : Spoken Discourse in Intercultural Communication. Bristol : Multilingual Matters. 261 p. DOI: 10.21832/9781853596216
- Liang S., Steinmüller U., 2018. Fremdheit in der deutschen Sprache. Linguistische und kulturwissenschaftliche Betrachtungen. Berlin : Peter Lang. 172 S.
- Nünning A., 2016. Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe. Stuttgart : Springer-Verlag. 808 S.
- Vaccaro C., 2022. Difference and Otherness. In A Companion to J.R.R. Tolkien. 2nd Edition. Hoboken : Wiley / Blackwell. P. 460–471. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119691457>
- Wierlacher A., Albrecht C., 1993. Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdeheitsforschung. München : Iudicium Verlag GmbH. 575 S.
- Artemova O.A., 2019. *Tipologiya deyksisa v semantiko-pragmaticheskom aspekte (na materiale belorusskogo i angliyskogo yazykov)* [Typology of Deixis in the Semantic-Pragmatic Aspect (Based on the Belarusian and English Languages)]. Minsk, MGLU. 176 p.
- Gordiyevskaya M.L., 2023. Russkiy prostranstvennyy deyksis v sopostavitel'nom aspekte [Russian Spatial Deixis in a Comparative Aspect]. *Philologia Rossica. University of Hradec Králové (Czechia)*, no. 8, pp. 7-27.
- Zakharenko I.V., 2013. Arkhetipicheskaya oppozitsiya «svoj – chuzhoy» v prostranstvennom kode kultury [The Archetypal Opposition Own/Native – Alien in the Spatial Code of Russian Culture]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, MAKSPress, iss. 46, pp. 15-31.
- Lisovyy I.A., Revyako K.A., 2001. *Antichnyy mir v terminakh, imenakh i nazvaniyakh: slovar-spravochnik po istorii i kulture Drevney Gretsii i Rima* [The Ancient World in Terms, Names and Titles: A Dictionary and Reference Book on the History and Culture of Ancient Greece and Rome]. Minsk, s.n. 253 p.
- Milovanova M.V., 2007. Ponyatie posessivnosti: problemy opredeleniya i struktury [The Concept of Possessivity: Problems of Definition and Structure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 2. Yazykoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 6, pp. 95-102.
- Penkovskiy A.B., 2004. *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian Semantics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 460 p.
- Svinkina M.Yu., 2016. Ponyatiynaya variativnost lingvokulturnykh kategoriy chuzhest – drugost – inakovost [Conceptual Variability of the Linguocultural Categories “Alienness”, “Foreignness”, “Strangeness”]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. The Theory & Practice], no. 6-2 (60), pp. 148-152.
- Sirotkina T.A., 2012. Markery «Chuzhogo» v khudozhestvennoy kartine mira [Markers of a “Foreigner” in the Artistic World Image]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 2, pp. 77-81.
- Skrylnikova A.Yu., 2007. Kontsept «razluka» v russkoy yazykovoy kartine mira [The Concept “Separation” in the Russian Language World Picture]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*

ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- DWDS – Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>
- BNC – The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

- [Tambov University Review. Series: Humanities], iss. 12 (56), pp. 233-238.
- Stoyev Khāntov V., Kananovich T., Novozhenova Z., 2022. «Svoye» i «chuzhoye» v yazyke, tekste i kulture. *Ocherki ob universalnoy lingvokulturologicheskoy kategorii* [“Own” and “Alien” in Language, Text and Culture. Essays on the Universal Linguocultural Category]. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 314 p.
- Fadeeva M. Yu., 2024. Lingvokulturnye zakonomernosti verbalizatsii chuzhesti v originale i perevode na primere khudozhestvennogo diskursa [Linguacultural Patterns of Foreignness Verbalization in Source Text and Its Translation in the Literary Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 4, pp. 96-105. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8>
- Duala-M'bedy M., 2021. *Xenologie. Die Wissenschaft vom Fremden und die Verdrängung der Humanität in der Anthropologie*. Freiburg, München, Verlag Karl Alber. 352 S.
- Fitzgerald H., 2002. *How Different Are We?: Spoken Discourse in Intercultural Communication*. Bristol, Multilingual Matters. 261 p. DOI: <https://doi.org/10.21832/9781853596216>
- Liang S., Steinmüller U., 2018. *Fremdheit in der deutschen Sprache. Linguistische und kulturwissenschaftliche Betrachtungen*. Berlin, Peter Lang. 172 S.
- Nünning A., 2016. *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe*. Stuttgart, Springer-Verlag. 808 S.
- Vaccaro C., 2022. *Difference and Otherness. In A Companion to J.R.R. Tolkien. 2nd Edition*. Hoboken, Wiley/Blackwell, pp. 460-471. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119691457>
- Wierlacher A., Albrecht C., 1993. *Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdeitsforschung*. München, Iudicium Verlag GmbH. 575 S.

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de>
- The British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

Information About the Author

Marina Yu. Fadeeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Director of the Institute for Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Volgograd, Russia, fadeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Фадеева, кандидат филологических наук, доцент, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, fadeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>